

Владимир Брюков
НОВАЯ
ЛЕТОПИСЬ
КАМЫШИНА

2019

12+

Владимир Брюков
Новая летопись Камышина

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Брюков В. Г.

Новая летопись Камышина / В. Г. Брюков — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Эта книга об истории волжского города Камышина, в которой до сих пор много неразгаданных тайн, загадок и мифов. Например, до сих пор неизвестно, почему в 1708 г. один из районов Камышина назывался Лубянкой. Как неизвестно и то, существовал ли на правом берегу реки Камышинки в самом начале XVIII века легендарный предшественник Санкт-Петербурга - Петр-город. До сих пор историки также спорят по поводу того, правдив ли рассказ иностранных авторов о том, что взбунтовавшиеся москвитяне предали Камышин Степану Разину... Надеюсь, что эта книга будет интересна не только для жителей г. Камышина, но и для других любителей истории городов российских.

Содержание

Предисловие	6
Откуда есть-пошла речка Камышинка	8
Как Камышинку называли «золотоордынцы»	8
Первые русские переселенцы на речке Камышинке	12
Как КамышЕнка стала КамышИнкой	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Предисловие

История славного города Камышина до сих пор полна многочисленных мифов, которые, на первый взгляд, достаточно легко опровергнуть, опираясь на уже опубликованные исторические документы. Тем не менее этими мифами до сих пор заполнена местная пресса и даже серьезная краеведческая литература, что не может ни исказить реальную историю города.

Например, миф № 1, до недавнего времени прочного укоренившийся в местном краеведении, хотя в последние годы ряд историков его оспаривают, заключается в том, что город Камышенка, разрушенный в 1670 году разинцами, дескать вскоре был восстановлен. Хотя на самом деле второе основание города произошло почти через тридцать лет после разрушения Камышенки.

А вот еще один миф – условно назовем его миф № 2, источником которого стала избыточная многочисленными ошибками камышинская летопись, сегодня разделяется практически всеми краеведами. Согласно этому мифу, город Дмитриевск (Камышин) во второй раз был основан в 1697 году, хотя имеющиеся документы датируют это событие годом позже.

Ну а к сотворению мифа № 3 о том, что перешедшие на сторону восставших казаков жители Дмитриевска в наказание за измену царю были переселены князем Петром Хованским с высокого левого берега реки Камышинки на ее правый болотистый нездоровый берег, причастны не только местные краеведы, без должной критики поверившие камышинской летописи, но и крупные отечественные историки.

Например, этот миф, правда, в несколько ином его изложении, разделял даже такой маститый российский историк XIX века, как Сергей Михайлович Соловьев (1820 – 1879). При этом он полагал, что сдавшихся царским войскам камышан астраханский губернатор Петр Апраксин в 1708 г. велел всех забрать в Астрахань, кроме стариков, женщин и детей: «Те и сами исчезнут!» – писал он царю». [См. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб. 1851-1879. Книга третья. Том XV, с. 1469].

Миф № 4 о существовании на правом берегу реки Камышинки на рубеже XVII-XVIII вв. некоего легендарного Петр города или Петровска оказался, пожалуй, самым живучим, поскольку его правомерность пока вообще не оспаривается ни одним из местных краеведов. Правда, виноваты в этом недоразумении не камышинские историки, а редакторы «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией», которые в одном из своих примечаний говорят о существовании Петровска, который будто бы был «основан, с целью способствованию проведению канала от Камышинки до р. Иловли ...». [См. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: СПб., 1872, Т. 12, с. 423].

В целом же, по мнению автора этих строк, ученые в большом долгу перед славным городом Камышином, история которого изучена гораздо хуже, чем история его более крупных соседей – Саратова и Волгограда.

Причина этого отставания, во-первых, в том, что история более крупных городов, как правило, привлекает большее внимание со стороны более широкого круга специалистов.

Во-вторых, соседние областные центры в отличие от Камышина обладают довольно многочисленными кадрами профессиональных историков, поскольку там уже многие десятилетия работают вузы, в которых история изучают как основной профильный предмет. Соответственно, обучением студентов-историков занимаются профессиональные ученые – кандидаты и доктора исторических наук, которых, в первую очередь, интересует история тех городов, где они работают, в то время как история Камышина и прочих более мелких населенных пунктов находится на периферии их профессиональных интересов.

В-третьих, именно по этой причине камышинским краеведением по большей части занимаются местные энтузиасты. Причем, многие из них вынуждены заниматься историей родного города урывками, то есть в свободное от основной работы время.

Тем не менее даже при таких явно недостаточных творческих силах камышинским краеведам удалось многое сделать для раскрытия многих тайн и загадок местной истории. Свой вклад в это дело решил внести и автор этих строк. В 1985 году я закончил истфак Волгоградского пединститута и начал интересоваться историей Камышина, работая в 90-ых годах журналистом в местных СМИ: «Диалоге», «Камышинских ведомостях», «Волжском просторе», «Демократе Камышина» и областной «Новой газете». Увы, времени для подробного анализа многочисленных проблем местной истории у меня тогда не было. Среди наиболее важных моих публикаций сегодня хочу отметить только один материал (хотя в целом их было немало) – «Сколько лет Камышину?», опубликованный в газете «Диалог» 10 сентября 1997 г.

Как известно, работа журналиста связана с тем, что приходится постоянно и в очень сжатые сроки готовить материалы по самой разнообразной тематике, а потому времени обстоятельно заняться историей родного города у автора этих строк тогда не было. Потом обстоятельства сложились так, что в 2000 году мне пришлось уехать из Камышина. С тех пор прошло 19 лет. Но вот, наконец, в моей жизни наступил период, когда мне удалось выкроить время для обстоятельного изучения документов по истории Камышина. Насколько удачной получилась «Новая летопись Камышина», подготовленная на основе доступных для автора документов, судить не мне, а читателю.

Что же касается названия книги, то я ее так назвал, противопоставив свой труд камышинской летописи, написанной по устным преданиям жителей города, причем, написанной спустя многие и многие десятилетия после описываемых событий, а потому в ней содержится много фактических ошибок. Тем не менее критический анализ этой летописи позволяет установить новые факты, которые по дошедшим до нас документам не прослеживаются. Надеюсь, что «Новая летопись Камышина» поможет краеведам в их дальнейшем изучении местной истории, даже если многие из них не согласятся с некоторыми, а может и со всеми моими выводами ...

Откуда есть-пошла речка Камышинка

Как Камышинку называли «золотоордынцы»

Недавно отпраздновавший свое 350 -летие город Камышин, привольно раскинувшийся на правом берегу Волги, получил свое имя от протекающей рядом небольшой речки Камышинки, которая делит его на две части. Такой вывод вполне очевиден, поскольку сама эта речка упоминается в исторических источниках по меньшей мере лет за 60-70 до первого основания самого города.

Судя по названию, имя этой некогда густо заросшей камышом речки произошло от тюркского слова «камыш». Определение этому слову дается еще в русском словаре первой половины XVIII века – «Рукописном лексиконе», в котором камыш называется «татарским тростником» [П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного языка. 3-е изд., М., 1999, с. 372]. В то время как у тюрко-язычных народов, в том числе и у кочевавших в XI-XIV вв. в поволжских степях половцев (так их звали русские, европейцы дали им имя куманы, а сами себя они называли кипчаками) это слово появилось гораздо раньше.

В качестве доказательства можно привести тот факт, что слово «камыш» упоминается в Кодексе Куманикус (лат. Codex Cumanicus) – уникальной рукописи, датированной 11 июля 1303 г. Этот документ хранится в соборе Святого Марка в Венеции и представляет собой словарь и учебное пособие по половецкому (куманскому) языку для католического миссионера. Так вот, в этом кодексе дается такая вот загадка на смекалку: «Молодая невеста на лугу на тюке своего приданого [сидит]». И тут же приводится ответ на эту загадку, что это «метелка камыша» [См. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII-XIV вв. М. Лига-лорбис. 2005. Раздел VI. Загадки. Лист 60 – 60 об.]

Как известно, в XIII–XIV вв. в результате сложных этнических процессов, происходивших в Золотой орде, численно преобладавшие половцы ассимилировали немногочисленных монгольских завоевателей, но при этом усвоили их этноним «татары». Когда после завоевания Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств в 1552 и 1556 годах в Нижнем Поволжье появились первые русские переселенцы, то здесь они застали: во-первых, относительно редкое преимущественно кочевое (хотя кое-где и оседлое) тюрко-язычное население; а, во-вторых, уже давным-давно сложившуюся региональную топонимику, часть которой была тюркской, а другая часть была унаследована от прежних жителей этого региона.

Спрашивается, от кого эти тюрко-язычные названия могли узнать русские переселенцы? Как известно, недалеко от современного Камышина в свое время были найдены такие золотоордынские городища, как Шишкин Бугор, расположенный на правом берегу Волги [См. Баллод Ф. В. Приволжские Помпеи. М.; Пг., 1923, с. 48-57], Терновское - на правом берегу Волги, 17 км выше Камышина [Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана (По раскопкам 1954-1955 гг.). – МИА, 1960, № 78, с. 107-110] и Бережковское (на левом берегу Волги, в устье р. Еруслан, напротив Терновского городища) [Баллод Ф. В. Указ. соч., с. 47].

Правда, все эти татарские селения были небольшими и пришли в упадок после того как во время завоевательного похода Тамерлана 1395-1396 гг. в Нижнем Поволжье были разрушены многие городские центры Золотой орды, включая и ее столицу – Новый Сарай (Сарай Ал-Джедид или Сарай-Берке, находившийся на левом берегу Ахтубы, близ современного села Царев Ленинского р-на Волгоградской обл.).

Как считают многие исследователи, в Нижнем Поволжье жил и творил выдающийся татарский поэт Саифа Сараи (1321–1396 гг.), который уже при жизни был признанным, извест-

ным поэтом, его произведения считают кульминацией тюрко-татарской литературы периода Золотой орды. Родился он в татарском селении Камышлы на Нижнем Поволжье, учился и занимался литературной деятельностью в столице Золотой орды в городе Новый Сарай, а в 80-е годы эмигрировал в мамлюкский Египет.

Творческое наследие Саифа Сарай пока известно по двум дошедшим до нас рукописям: «Китабе Гулистан бит-тюрки» и «Ядгярнаме». Первая из них была составлена в Мамлюкском Египте в конце XIV в., а затем через Крым и Турцию попала в Голландию и в настоящее время хранится в библиотеке Лейденского университета (№ 1553). Другой список произведений Саифа Сарай – «Ядгярнаме» – составлен также в Мамлюкском Египте. Рукопись была привезена в Среднюю Азию в XVIII в. одним из паломников. Это произведение известно науке с 1965 года, в настоящее время хранится в Институте рукописей им. Х. Сулеймана АН Узбекистана (№ 311). В сборнике помещены поэма «Сухайль и Гульдурсун» и несколько стихотворений Саифа Сарай, а также лирические произведения Ахмеда Ургенджи, Мавляна Исаака и Туглы Ходжы. [См. Золотая орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016., с. 517-518]

Где конкретно находилось на Нижней Волге татарское селение Камышлы, точно неизвестно. По этому поводу историками выдвигаются самые различные версии. В том числе есть и предположение, основанное на определенном сходстве названий, что это селение могло быть татарским предшественником современного Камышина. Но эта версия никак не подкреплена фактами, поскольку на территории Камышина пока не обнаружено остатков какого-либо золотоордынского поселения, хотя в исторической литературе сообщалось о том, что здесь неоднократно находились предметы, относящиеся к этой эпохе.

Так, известный саратовский краевед и историк конца XIX-XX вв. Александр Минх (1833—1912) написал об этом следующее: «По сообщению священника Троицкой церкви г. Камышина Позднева, 1888 года, в части города, называемой «Старый город», до сих после дождей находить кое-где у дорог мелкие серебряные монеты с татарскими надписями. Старым городом называется северная часть Камышина, окруженная насыпным валом: этот вал начинается от р. Камышинки, с крутым обрывом, и идет параллельно с берегом Волги, сажень в 200 от нее, потом, поворачивая к Волге, соединяется с глубоким оврагом ... С западной стороны имеются два входа или въезда. На севере от вала, сажень в 60-70 находится другая насыпь, представляющая 4-х сторонний окоп. – В местности окруженной валом находят кое-где серебряные мелкие монеты с татарскими надписями». [См. Историко-географический словарь Саратовской губернии./Сост. Минх А. Н., том 1: Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Вып. 2: Лит. Д – К: Саратов, 1900, с. 457].

После распада в 20-х гг. XV века Золотой орды территория Нижнего Поволжья (за исключением значительной части современной Астраханской области) вошла в состав Большой орды, правитель которой считал себя преемником золотоордынских ханов. Но в 1502 г. Крымское ханство разгромило Большую орду, в результате распада которой ее земли поделили между собой Крымское и Астраханское ханства, а также Ногайская орда. При этом граница между Крымским ханством и Ногайской ордой стала проходить по Волге, правый берег которой долгое время называли «крымской стороной», а левый – «ногайской».

После завоевания Иваном IV Грозным (1530– 1584) Казанского и Астраханских ханств Нижнее Поволжье вошло в состав Московского царства, однако в этом регионе еще долгое время жили кочевники, которые не только мирно торговали с русскими переселенцами, но и часто с ними враждовали. В 1557 году бей Ногайской орды признал Ивана Грозного своим старшим братом, пообещав стать его младшим союзником. В связи с этим Ногайская орда разделилась на Большую Ногайскую орду (большие ногаи), оставшуюся в Степном Заволжье, и Малую Ногайскую орду (малые ногаи, Казыев улус, или Кубанская орда), откочевавшую в Приазовье и на Кубань, где они попали в вассальную зависимость от Крымского ханства.

Тем не менее малые ногаи, которых также называли кубанскими татарами, продолжали летом кочевать по правобережью Волги вплоть до 1634 г., когда их оттуда вытеснили пришедшие с востока калмыки. При этом малые ногаи регулярно посещали территорию современных Волгоградской, Саратовской и Астраханской областей. По мнению известного саратовского историка и краеведа Александра Гераклитова (1867 – 1933 гг.), значительная часть позднейших золотоордынских курганов на территории Нижнего Поволжья насыпана именно ногайцами Кызыева улуса и весьма вероятно, что значительная часть урочищ этого края, носящих тюрко-язычные имена, была названа ими. [Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов: Изд-во «Друкарь», 1923, с. 104].

На карте Московии и Татарии Сигизмунда фон Герберштейна, напечатанной где-то после 1556 г., легко увидеть, что между Астраханью и Казанью в середине XVI века не было других городов, а по обеим сторонам Волги кочевали ногайские татары – см. рис. 1.

Рис. 1. Карта Московии и Татарии Сигизмунда фон Герберштейна сер. XVI в.

По мере освоения русскими колонистами Нижнего Поволжья здесь стали появляться как чисто русские, так и измененные на русский лад тюрко-язычные топонимы (названия географических объектов, местностей, гор, рек, городов и т. д.). Например, имя основанного в 1589 году Царицына (современный Волгоград) произошло от тюркского словосочетания – «Сарычин», что означает «желтый остров», на котором первоначально построили этот город. С учетом фонетики русского языка топоним «Сарычин» стал произноситься как Царицын, что позволило переосмыслить это название как город Царицы. При этом протекающая рядом с городом река Царица получила свое название от тюркского гидронима «Сарысу», что в переводе означает «желтая вода». В свою очередь, построенный в 1590 году город Саратов, как полагает большинство историков, получил свое имя от тюркского словосочетания «Сарытау» – «желтая гора», которое русскими стало произноситься как Саратов.

При этом возникает вполне законный вопрос: как по-тюркски до прихода сюда русских могла называться речка Камышинка? Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно посмотреть, как обычно меняется топонимика региона в случае прихода туда иноязычных переселенцев, которые начинают использовать в своей речи названия местных географических объектов.

Как правило, заимствование местного топонима в чужой язык происходит по трем адаптационным моделям: во-первых, пришельцы могут просто позаимствовать уже имеющееся название, приспособив его к фонетическим особенностям своего языка; во-вторых, сохранив в удобной для себя фонетической форме основную часть местного названия, они могут его

несколько видоизменить, снабдив исходное слово суффиксом, окончанием и прочими морфологическими частицами, характерными для языка пришельцев; в-третьих, иноязычные переселенцы могут просто перевести топоним на свой язык, то есть полностью избавиться от прежней его фонетической формы.

К сожалению, не сохранилось исторических источников, из которых можно было бы узнать, как называлась речка Камышинка в те далекие времена, когда Нижнее Поволжье принадлежало Золотой, а затем Большой орде, то есть тогда, когда здесь еще не появились первые русские поселенцы. Но весьма сходный процесс и сегодня можно наблюдать в топонимике Татарстана, где почти пять веков живут две национальные общины (татарская – более 50% и русская – чуть менее 40% от всего населения республики). Благодаря такому национальному составу многие географические объекты в Татарстане имеют двуязычное название.

Так, в 1730-х гг. в Заинской волости Казанского уезда было основано поселение отставных солдат, получившее сначала название Ново-Камышенская слобода. (Весьма вероятно, что такое название слободе могли дать отставные солдаты, успевшие послужить в городе Дмитровске на Камышенке, поскольку прибывший туда Дмитриевский стрелецкий полк комплектовался в основном из уроженцев Казани, Казанского уезда и других близлежащих местностей, которые, уйдя в отставку, вернулись на свою малую родину). Впоследствии Ново-Камышенская слобода стала называться селом Камышинкой, где и сейчас проживают преимущественно русские. Поэтому и сегодня жители этого села по-прежнему называют его Камышинкой, а вот в «Каталоге топонимов Республики Татарстан» [См. <http://toponym.antat.ru/ru/oykonim>] этот населенный пункт дается с двойным названием: русским – Камышинка и татарским – Камышлы.

Еще один во многом аналогичный случай произошел с переименованием расположенного в Свердловской области города Камышлова и протекающей рядом с ним речки Камышловки. Вот как об этом рассказывается в одном из авторитетных топонимических словарей: «КАМЫШЛОВ, город, р. ц., Свердловская обл. На р. Камышловка (левый приток Пышмы) из татар, камышлы «камышовая», которая русск. некоторое время называлась Камышенка, в 1667 г. возникла слобода, получившая сначала по русск. варианту гидронима название Камышовская. Но поскольку в широком употреблении гидроним сохранился в форме Камышловка, то и название слободы закрепилось как Камышловская. С 1781 г. у. г. Камышлов». [См. Е. М. Поспелов. Географические названия мира: Топонимический словарь: Свыше 5 000 единиц. Отв. Ред. Р. А. Агеева. – М.: «Русские словари», 1998, с. 185].

С учетом вышесказанного можно с достаточно высокой степенью вероятности предполагать, что речку Камышинку, на которой впоследствии появился город Камышин, некогда жившие здесь тюрко-язычные обитатели могли называть Камышлы. А появившиеся здесь во второй половине XVI века первые русские поселенцы, услышав от местных жителей это татарское название, с помощью уменьшительно-ласкательного русского суффикса «ен» дали этой заросшей камышом небольшой речушке имя «Камышенка».

Первые русские переселенцы на речке Камышинке

Кто же первым назвал речку Камышинку Камышинкой, а точнее сказать КамышЕнкой (сначала в ее названии вместе буквы «и» писалось «е» – подробнее об этом читайте ниже)? Очевидно, что первыми русскими, появившимися на берегах Камышенки, были вольные люди – казаки, которые и дали ей имя. Об этом, например, говорится в старой казачьей песне о Ермаке, в которой упоминаются события, относящиеся к концу 70-х и началу 80-х годов XVI века:

«КАК НА ВОЛГЕ, ДА НА КАМЫШИНКЕ

Как на Волге,
Да на Камышинке,
Казаки живут, люди вольные,
У казаков
Был атаманушка,
Ермаком звали Тимофеевичем.
Не злата труба
Вострубила,
Да она звонко возговорила.
Возговорил
Речь Ермак Тимофеевич:
„Ой вы гой еси, братцы, атаманы казацкие!
Вы послушайте,
Да мне думушку пораздумайте:
Не корыстна у нас шутка зашучена,
И как нам на то
Будет отвечать?
[Да] во Астрахани нам жить нельзя,
А на Волге жить -
Все ворами слыть,
На Яик идти – переход велик,
На Москву идти -
Перехватанным быть,
Под Казань идти – грозен царь стоит,
Грозен царь Иван
Сын Васильевич;
Он послал на нас рать великую,
Рать великую
В сорок тысячей...
Так пойдете ж мы в Усолье к Строгановым»

[См. Песни сибирских казаков, вып. I, Пгр., 1916, стр. 5, № 1.]

Записали: текст В. Ф. Бедрин, музыку Я. Ф. Бурков в 1900-х годах, в районах Восточной Сибири.

Вполне очевидно, что эта старая казачья песня в своем окончательном виде сложилась позже описываемых в ней событий. Об этом, например, говорит тот факт, что вместо первоначального и более старого варианта названия речки - «КамышЕнка», в песне используются ее

современный аналог «КамышИнка» (заметим, что существует много вариантов этой казачьей песни и в ряде из них встречается старое название речки).

Вместе с тем, несомненно, что эту песню сочинили на основе древнего устного предания, рассказывающего о реальных фактах, связанных с пребыванием Ермака Тимофеевича на Волге, Дону и Камышенке. Об этом свидетельствует, например, так называемый «Новый летописец», описывающий события с конца царствования Ивана IV Грозного и до 1630 года. Вот как в нем рассказывается об уходе с Волги Ермака Тимофеевича с отрядом казаков в Сибирь: «Есть на полуденной стороне река, называемая Дон, на ней же жили казаки; от Дона неподалеку река, называемая Волга, на ней же жили казаки и разбойничали много по Волге и по иным рекам, когда суда государевы громили, когда послов кизылбашских и бухарцев и многих других громили и убивали. Царь Иван, видя их воровство и злое непокорство, послал на них воевод своих и повелел их там хватать и вешать; многих же схватили и казнили, а иные же, яко волки, разбежались. По Волге же вверх от них побежали шестьсот человек по призыву Максима Строганова, у них же старейшина атаман по имени Ермак и иные многие атаманы. Дойдя до реки Камы, пошли они вверх по Каме до Чусовой, до вотчины Строгановых ...» [См. Хроники смутного времени. М. Фонд Сергея Дубова. 1998, стр. 265].

Следовательно, летопись подтверждает факты, излагаемые в старой казачьей песне: Ермак Тимофеевич, действительно, долгое время промышлял с казаками воровством на Волге, чем и навлек на себя опалу со стороны Ивана Грозного. После чего волжские казаки во главе с Ермаком по призыву купцов Строгановых сначала пошли к ним на Урал, а затем двинулись завоевывать Сибирь.

Впервые речка Камышенка появилась на русских картах, по всей видимости, еще в конце XVI века. В предисловии к «Книге Большому чертежу», подготовленной в московском Разрядном приказе в 1627 г., говорится о том, что она написана по «старому чертежу всему Московскому государству», составленном еще «при прежних государях». Тогда же на основе старого «Большого чертежа» был составлен и «новый чертеж». Судя по перечню построенных в конце XVI в. сибирских городов, упоминаемых в «Книге Большому чертежу», ученые пришли к выводу, что этот «старый чертеж» был составлен не позднее 1598 г., то есть ко времени начала царствования царя Бориса Годунова.

К сожалению, ни старый, ни новый чертежи не сохранились, но то, что на них была изображена речка Камышенка достоверно известно из описания волжского пути, которое дается в «Книге Большому чертежу»: «А ниже Иловки (т.е. Иловли – прим. В.Б.) 50 верст пала в Волгу река Камышенка. А ниже Камышенки 40 верст пала речка Балклея. А с луговой стороны выше Камышенки реки пала в Волгу река Уруслан (т.е. Еруслан – прим. В.Б.), а в Уруслан пала река Узень» [Сербина К.Н. (ред). Книга Большому чертежу. Изд. АН СССР. М.-Л., 1950, с. 143].

В этой книге Камышенка упоминается в двух местах – при описании пути по Волге и по Дону. Так вот, писец при описании донского пути, которое также делалось им по «чертежу» ошибся с названием неизвестной ему речки: «А ниже 90 верст с Ногайской стороны (то есть с восточной – прим. В. Б.) пала в Дон речка Иловка, а вытекла речка Иловка за 100 верст, от реки от Волги, от верху речки Кармышенки, протоку Иловки 100 верст; а речка Кармышенка пала в Волгу, ниже речки Иловки на 50 верст» [Ук. соч., с. 85]. Ошибка вполне объяснимая, поскольку для ускорения процесса над «Книгой Большому чертежу» работало сразу несколько писцов, а потому волжский и донской пути описывали разные люди, которые, к тому же, впервые столкнулись с названиями многих небольших речек, расположенных за тысячу верст от Москвы.

Как КамышЕнка стала КамышИнкой

Хочу подробнее остановиться на уже упомянутом факте, что сначала эту речку в письменных источниках называли не ее сегодняшним именем – «КамышИнка», а теперь уже устаревшим названием «КамышЕнка», то есть вместо буквы «И» писалась буква «Е». В этом легко убедиться, если заглянуть в русские рукописи XVII в. и большей части XVIII в. (до 80-х годов), в которых упоминается речка Камышенка. (Правда, в текстах иностранных авторов того времени встречается название «Камышинка», но это во многом объясняется тем фактом, что эти тексты переводились в XIX-XX вв. и поэтому переводчики предпочитали давать речке более привычное им современное название).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.